

ЖУЗЯ

художественной сатиры.

Подъ редакціей Р. Л. Антропова.

Сенаторы и „варвары“ (изъ исторіи Р. ...)

Памяти друга.

Онъ былъ поэтъ, поэтъ—отъ головы до ногъ,
Вся жизнь его была прекрасная поэма;
Но всю прочесть ее намъ не позволилъ рокъ,—
Не по-сердцу приишлась ему такая тема!
Роль злою цензора онъ принялъ на себя
И вычеркнулъ ее—въ расцвѣтъ лѣтъ—съ-размаха,
Не испыталъ при томъ онъ ни стыда, ни страха,
Красу поэзии безжалостно губя!
Поэтъ—онъ пѣлъ и жилъ, какъ призванный пророкъ
Любви и красоты, и мощныхъ силъ свободы...
Два года—нѣтъ его... Но минутъ годы, годы—
Все будетъ свѣжъ его поэзии вѣнокъ!..

Александръ Никитинъ

С. А. Сафоновъ.

(Серг. Печоринъ).

5-го февраля, ровно два года тому назадъ, скончался великолѣпный поэтъ, истый наслѣдникъ Пушкина, Сергѣй Александровичъ Сафоновъ, олицетворяющій въ себѣ и превосходнаго сатирика—юмориста „Сергѣя Печорина“.

Память его должна быть дорога всѣмъ, кому доступны чистая поэзія и высоко-благородный юморъ.

Ахъ, если-бы не этотъ проклятый рокъ, тяготящій надъ русскими избранниками небесъ, рокъ, вырвавшій изъ нашей среды этого благороднѣйшаго человѣка, какими-бы дивными произведеніями подарилъ онъ „Занозу“!

Я помѣщаю въ этотъ скорбный для русской литературы день смерти Сафонова его портретъ. Онъ дорогъ не мнѣ одному, но, думаю, многимъ и многимъ...

Р. Анисимовъ.

Женздохья ховеллы Ъоккачю.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Добраго.

5. О разныхъ новыхъ чудесахъ въ женскомъ монастырѣ, основанномъ padre Джованни.

...Королева и всѣ придворные съ нетерпѣніемъ ожидали продолженія разсказа о чудесахъ въ знаменитомъ монастырѣ padre Джованни.

— Продолжайте!—отдала приказъ королева.

— Слушайте, ваше величество, дамы и кавалеры. Однажды, настоятельница этого богоугоднаго заведенія, сестра Марія, женщина пріятная и сравнительно далеко не старая, проходила по длинному корридору, по обѣимъ сторонамъ котораго были расположены келіи благочестивыхъ дѣвъ—монашенокъ. Вдругъ до ея слуха донеслись изъ одной келіи подавленный смѣхъ, таинственный шопотъ, тихіе возгласы и даже—о чудо!—звуки поцѣлуевъ.

Это поразило несказанно достопочтенную настоятельницу.

Она быстро подошла къ закрытой двери и трижды постучала въ нее со словами:

— Во имя св. Бонифація, св. Керулярія и св. padre Джованни откройте дверь, сестра!

Въ келіи послышался испуганный возгласъ. Прошло нѣсколько минутъ. Дверь келіи все еще не отворилась.

— Откройте-же дверь, сестра!!—закричала взволнованная настоятельница.

Наконецъ дверь открылась.

Достопочтенная мать Марія быстро вошла въ келію, съ жадностью охватывая глазами ея внутренность. Передъ ней стояла почти раздѣтая, въ одной рубашкѣ, смущенная, взволнованная, очень красивая сестра Епистимія. Волосы ея были распущены, полуобнаженная грудь порывисто подымалась. Сзади нея виднѣлась огромная фигура, одѣтая въ костюмъ монахини. Лица таинственной фигуры не было видно: оно было наполовину закрыто чернымъ покрываломъ отъ клобука. Полы рясы монахини едва доставали до колѣнъ ея. Огромныя ноги въ высокихъ сапогахъ смѣшно выглядывали изъ подъ юбки—сутаны.

— Кто это? съ кѣмъ вы здѣсь находитесь, моя воз-

Веселый карнавалъ.

(Изъ современныхъ пѣсень не-Беранже).

НА пришла—веселая недѣля,
Нашъ добрый старый русскій карнавалъ,—
Хоть не успѣлъ опомниться отъ хмѣля
Родной народъ, споенный наповаль...
Тяжелъ былъ хмѣль, не легче и похмѣлье—
Подъ пушекъ громъ и пуль зловѣщій свистъ,

При заревѣ пожаровъ... Но веселье
Не умерло для тѣхъ—кто правъ и чистъ...
Работаютъ еще и пулемѣты,
Взвиваются казацкіе кнуты;
Сверхъ-патріотамъ мало-ли работы
Средь логовищъ рабочей нищеты...

Но мнѣ до нихъ какое дѣло!
Какъ всѣ „отечества сыны“—
Смотрѣть на жизнь могу я смѣло,
Меня ждетъ хмѣль недѣли цѣлой,
Попойки, тройки и блины!..

Стоитъ надъ Русью призракъ смертной казни,
Грозитъ онъ сотнямъ близкихъ намъ людей,—
Но передъ нимъ пою я безъ боязни:
На баррикадахъ не былъ я—ей-ей!..
Союзы наши рѣжно протестуютъ,
Взывая къ тѣмъ—въ рукахъ чьихъ мощь и власть;
Весельчаки-жъ, какъ я, и въ усъ не дуютъ:
Возможность есть—повеселиться в-сласть!..
Пусть подписи собираютъ Донъ-Кихоты,
Заступниковъ пусть къ намъ въ столицу шлютъ,—
Съ меня довольно и своей заботы:
Меню составить—развѣ малый трудъ?..

Я—врагъ протестовъ, врагъ протестовъ,
Другъ нашей доброй старины...
Что мнѣ за дѣло до арестовъ,
До искаженныхъ манифестовъ,
Когда на свѣтѣ есть блины!..

Свободой бредить мнѣ совсѣмъ не ново...
Пусть партіи всѣхъ видовъ бьютъ въ набатъ:
„Объединяйтесь!.. Зданіе готово
Для русской Думы!.. Выборы спѣшатъ!..
Внѣ партій—я, мнѣ все равно—кого тамъ
Въ санъ депутатовъ облечетъ народъ,
Кто будетъ крѣпкимъ родины оплотомъ,
Кто—можетъ быть—въ конецъ еѣ добьетъ...

До Думы-ль мнѣ—въ разгарѣ карнавала?
Что избирать мнѣ, если избранъ самъ
Я осушать дно рюмки и бокала—
Во славу благосклоннымъ небесамъ!..

Я не педантъ съ душонкой узкой!
Какъ вѣрный сынъ своей страны—
Воздамъ честь масляницѣ русской!
Вѣдь къ зелено-вину закуской
Мнѣ будутъ русскіе блины!..

Что день—несутъ газеты вѣсти злыя:
Царь-Голодъ сталъ по деревнямъ блуждать—
То здѣсь, то тамъ... Намъ голодъ—не впервые,
Мужикъ нашъ русскій любитъ голодать!..
Отвыкъ и жить онъ въ сытости-отрадѣ,—
Покрѣпче перетянетъ лишь животъ,
Пѣснь запоетъ: „Подайте Христа-ради!“
И по-міру съ котомкою пойдетъ...
Не подадутъ,—есть лѣсъ, въ лѣсу—осина;
Снять поясъ долго-ль? Глядь—и въ петлѣ онъ
Качается... Знакомая картина!
Кормильцевъ нашихъ намъ привыченъ стонъ!..

Стонать не стану я—повѣрьте!
Вѣдь рестораны всѣ полны...
Свой пылъ, печальники, умѣрьте!
Я не боюсь голодной смерти,
На свѣтѣ есть еще блины!..

Икорки взять, да сѣмучки; про масло
И про сметану—что и говорить?—
Они нужны безспорно, чтобъ не гасло
Въ душѣ сознанье, что не только пить
Мы собрались, а ради тризны блинной
По всѣмъ допившимъ жизненный бокаль...
Бесѣдою разумною и чинной
Мы встрѣтимъ нашъ кровавый карнавалъ...
Блинковъ съѣдимъ, „по рюмочкѣ пройдемъ“—
Какъ говорилъ покойникъ Беранже...
Еще блинковъ... За ними—не напьемся,
А будемъ такъ, въ приличномъ куражѣ...
Я—карнаваловъ чуть не сорокъ,
Успѣлъ прожить... Дни жизни—сны!..
Но каждый день теперь мнѣ дорогъ...
Объединяйтесь, другъ и врагъ!
Засядемъ дружно за блины!..

Евстигней Нагайкинъ.

любленная сестра во св. Джованни? строго обратилась къ монашенкѣ настоятельница.

— Это... это...—въ волненіи и смущеніи начала сестра Епистимія...—это—одна монашенка, знакомая моя, изъ другого монастыря...

— Но развѣ вамъ неизвѣстно, что монахинямъ нашего ордена запрещается ночевать вмѣстѣ не только съ посторонними мужчинами, но даже и съ посторонними женщинами?—еще строже продолжала благочестивая настоятельница.

Потомъ она обратилась къ таинственной незнакомкѣ:

— Кто ты и откуда ты?..

— Изъ пятого своднаго баталіона пизанскихъ стрѣлковъ!—громовымъ, басовымъ голосомъ отвѣтствовала таинственная фигура.

— Однако... и голосокъ у тебя... совсѣмъ не женскій... Да и фигура тоже... слишкомъ большая и здоровая...—насмѣшливо, но и съ лаской въ голосѣ проговорила настоятельница.

— Насчетъ величины и здоровья—могу похвастаться!—задорно отвѣтила таинственная фигура.

— Но какъ-же ты, сестра, попала въ пятый сводный баталіонъ пизанскихъ стрѣлковъ?—еще насмѣшливѣе и еще ласковѣе продолжала настоятельница.—Зачѣмъ? съ какой цѣлью?

— Для сбора пожертвованій... для проповѣдыванія слова Божія...—быстро, поспѣшно отвѣтила за „незнакомку“ красивая сестра Епистимія.

— Ахъ, вотъ что... Ну, что-жъ, пойдемъ теперь ко мнѣ, сестра, я хочу побесѣдовать съ тобой, узнать уставъ вашего монастыря...—обратилась къ гигантской фигурѣ монахини достопочтенная настоятельница.

— Съ превеликимъ удовольствіемъ!—пробасила „мо-

нахиня.“—Меня хватить на объясненія нашихъ уставовъ не только съ одной сестрой, но хоть съ десятью.

Тутъ вмѣшалась сестра Епистимія.

— О, мать настоятельница, не уводи отъ меня мою знакомую сестру!—умоляюще обратилась она къ настоятельницѣ.—Я не успѣла еще кончить... нашей бесѣды.

— Я кончу за тебя, моя возлюбленная сестра во св. Джованни!—ликующе и торжествующе проронила сестра Марія.—Идемъ!—отдала она приказъ пришедшей „сестрѣ“.

И пришедшая „сестра“, выправивъ свой могучій станъ, громко стуча и звеня высокими сапогами, покорно послѣдовала за строгой настоятельницей.

Когда они вышли изъ келіи, невообразимое бѣшенство овладѣло красивой Епистиміей. Какъ?! то, что она заполучила съ такимъ трудомъ, спокойнымъ образомъ вырываютъ изъ ея рукъ? Она добровольно должна лишиться удовольствія въ теченіи всего остатка ночи?

Въ злобѣ, негодованіи бѣгала она по своей келіи.

— Погоди-жъ ты!.. Я отомщу тебѣ!.. Я выведу тебя на чистую воду!.. Я покажу тебѣ, какъ мѣшать чужимъ изліяніямъ накопившихся монашескихъ чувствъ!..

И лишь только разсвѣло, еще за часъ до ранней утренней мессы, *) сестра Епистимія побѣжала по всѣмъ келіямъ сестеръ-джованнистокъ.

— Мои возлюбленные сестры!—взволнованно заявляла она имъ,—хотите узрѣть новое поразительное чудо въ нашемъ монастырѣ?

— О, конечно! хотимъ! хотимъ!—восторженно заявляли благочестивыя дѣвы.

— А вы исполните для этого то, что я вамъ прикажу?

*) Ранняя утренняя месса соотвѣствуетъ нашей заутрени.

Ночныя тѣни.

— Исполнимъ, сестра, исполнимъ!

— Ну такъ слушайте: сейчасъ мы должны собраться въ полномъ составѣ у дверей келіи нашей глубокочтимой настоятельницы, и всѣ, въ одинъ голосъ, громко закричать: „пожаръ! пожаръ! весь монастырь въ огнѣ! спасайтесь“!

— Но для чего-же это надо дѣлать, клянемся шляпой padre Джованни!—воскликнули благочестивыя дѣвы.

— А это вы сейчасъ узнаете!—съ загадочной усмѣшкой проговорила обиженная и оскорбленная въ лучшихъ своихъ чувствахъ сестра Епистимія.

И вотъ, процессія благочестивыхъ дѣвъ—въ стройномъ порядкѣ—направилась къ келіи матери настоятельницы.

Мигъ, дамы и кавалеры,—и... пронзительный крикъ, вопль цѣльныхъ дѣвъ потрясъ стѣны обители:

— Пожаръ! пожаръ! весь монастырь въ огнѣ!! спасайтесь!!

И лишь только эхо длиннаго монастырскаго корридора успѣло повторить этотъ страшный крикъ, какъ сейчасъ-же дверь келіи настоятельницы съ трескомъ распахнулась и изъ келіи опрометью выскочилъ огромный мужчина, почти обнаженный. На немъ лишь была солдатская фуфайка... За нимъ, въ смертельномъ страхѣ, неслась мать настоятельница, тоже въ весьма легкомысленномъ костюмѣ.

— Гдѣ горитъ? гдѣ горитъ?..—лепетала она.

— Штаны мои! Гдѣ штаны мои?!—ревѣлъ басомъ пизанскій стрѣлокъ.

— Вотъ вамъ обѣщанное чудо, мои возлюбленныя сестры!—торжествующе—злорадно кричала отомщенная сестра Епистимія.

...„Бумъ... бумъ... бумъ“... раздался звонъ колокола. Наступалъ часъ ранней утренней мессы.

Когда извѣстіе о происшествіи въ монастырь дошло до свѣдѣнія padre Джованни, онъ положилъ такую резолюцію: „довести до всенароднаго свѣдѣнія, что въ келіи настоятельницы монастыря Джованнистокъ, въ такой-то день, явилась благодать. Сей благочестивой женщинѣ явился во плоти самъ св. Керулярій и, послѣ того, какъ утѣшилъ ее, предсталъ предъ всѣми дѣвами обители во всемъ своемъ большомъ величіи“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Панорама русско-японской войны

Эйяма: — Вотъ наше войско!
Кулопаткинъ: — Гм.. Не страшное!

Дѣлежъ будущихъ милліоновъ отъ
концессіи на Ялу.

„Они“ работаютъ въ потъ лица — надъ рубкой лѣса.

Японскіе послы: — Угодно союзу?
Гр. Намздорфъ: — Alle-vous-en!

Лѣсна узниковъ.

Въ подземельи, въ подземельи
Мы не знали о весельи
Зачарованнаго утра
Пламенѣющихъ цвѣтовъ;
И, великой полонъ жажды,
Быль изъ насъ, безумцевъ, каждый,—
Чтобъ увидѣть солнце лѣта,—
Жизнь отдать свою готовъ.
Гулъ слышавъ, брови хмуря,
Мы гадали: это буря
Ночью къ призрачнымъ утесамъ,
Свирѣпѣя, гонить валъ?
Рухнулъ лѣсъ надъ моремъ? или
Землю тучи напоили,
И потомъ крылатый вѣтеръ
Въ тучахъ молніи сковаль?
Въ подземельи, въ подземельи
Мы не знали о весельи,
И, покинутые, хоромъ
Проклинали темноту;
Мы цвѣтовъ хотѣли алыхъ:
Свѣтъ полудня заливалъ ихъ!
Мы хотѣли звѣздъ лучистыхъ
И лелѣяли мечту...
Но сокрылись навсегда-ли
Отъ угрюмыхъ взоровъ дали
И во вѣкъ-ли не увидимъ
Солнца радужныхъ лучей?
Не увидимъ, какъ бездонна
Въ нихъ прозрачность небосклона,
Какъ, рубинами бряцаая,
Блещетъ, искрится ручей?—
Долго мы рабами были,
Но въ дыму тяжелой пыли
Не забыли, не забыли,
Какъ свобода хороша!
Долго мы во тьмѣ неволи
Камни тяжкіе кололи;—
Лучшей доли, лучшей доли
Алчетъ гнѣвная душа!—
Близокъ часъ освобожденья!
Звучный молотъ возрожденья,
Грохоча, разрушить бодро
Холодѣющій гранить...

Отзвучала грусть былая
И, надеждою пылая,
Обольстительную грезу
Сердце чуткое хранить:
О, настанутъ дни веселья!
Изъ глухого подземелья,
Какъ орлы—со дна ущелья,
Мы уйдемъ счастливцевъ рать;
О неволѣ позабудемъ,
Кровь застывшую—разбудимъ
И съ полей росистыхъ будемъ
Розы пышныя собирать!

М. П.

Послѣднія извѣстія.

1) О переименованіи портовъ Севастополя и Кронштадта, въ виду происшедшихъ въ нихъ событій: перваго—въ Портъ смуть, втораго—въ Іоганштадтъ. По слухамъ, кандидаты въ Государственную Думу одобрительно относятся къ этому проекту.

2) О воспрещеніи воронамъ мѣстопробыванія въ Россійской имперіи, въ виду стремленія жителей оной къ произнесенію въ присутствіи администраціи названія „воронъ“ по слогамъ „вор—онъ“, что несомнѣнно вредно отражается на состояніи духа властей.

Гудзь.

Тревога патріота.

Мнѣ казалось—новой эры
Воцарились дни вездѣ:
Успокоились эс-эры,
Успокоились эс-де.
Думалъ я—дыханьемъ разныхъ
Положеній и охранъ—
Покушеній безобразныхъ
Въ мигъ разсѣялся туманъ.
Полонъ радости безмѣрной,
Я повѣрить былъ готовъ,
Что энергіей примѣрной
Нашихъ доблестныхъ полковъ
Подъ начальствомъ лейтенантовъ,
Подпоручиковъ лихихъ
И корнетовъ—адъютантовъ,
И ротмистровъ грозovýchъ—
Агитаторы повсюду
За безумье темныхъ дѣлъ
Превратились тихо въ груду
Непробудныхъ мертвыхъ тѣлъ.
И отнынѣ всѣмъ достойнымъ,
Всѣмъ отечества сынамъ
Наслаждаться сномъ спокойнымъ,
Предаваться милымъ снамъ...
Вдругъ, подобно злой кометѣ,
Вѣсть ужасная летитъ—
Въ адмиральскомъ кабинетѣ
Весь въ крови Чухнинъ лежитъ.
Адмиралъ Чухнинъ, который
Севастополь покорилъ
И надъ ворогомъ судъ скорый,
Судъ примѣрный совершилъ.
Нѣчто дикое случилось—
Это есть бѣда изъ бѣдъ—
И отечество лишилось
Славы доблестныхъ побѣдъ.
Да, проснулись эс-эры!
Снова стали на пути,
Никакія, видно, мѣры
Ихъ не въ силахъ извести.
И дрожа тревогой злобной,
Проливаю море слезъ—
Какъ бы вѣсточки подобной
Изъ Москвы не донеслось.

Ивичъ.

Персидская конституція.

(Изъ газетныхъ мотивовъ.)

Отряси прахъ гаремныхъ шашней,
Внемля народу своему,
Персидскій шахъ—«чудакъ всегдашній» *)
И путешественникъ къ тому—
Плѣненный Эйфелевой башней,
Далъ конституцію ему.

Что всѣ Зорабы и Рустемы **):
Премудрый Музафферъ-Эддинъ
Всѣ политическія темы
Геройски разрѣшилъ одинъ:
Купцы и мирзы, и улемы
Иранъ поднимутъ изъ руинъ...

Избранникамъ всего Ирана—
Повелѣно имъ засѣдать
Въ «Дворцѣ Совѣта» непрестанно,
Судить и думать, и гадать:
Для процвѣтанья Тегерана
Гдѣ денегъ взять, гдѣ денегъ взять?!

Газетамъ вѣрить я не смѣю
(Блаженъ кто вѣритъ въ ихъ молву!),
Самъ догадаться-жъ не сумѣю—
Сонъ ихъ все то, иль на-яву;
Но отъ души теперь жалѣю,
Что я не въ Персіи живу!..

Вѣдь въ октябрѣ пообѣщали
Намъ конституцію; она-жъ
И въ февралѣ (къ моей печали)—
Одинъ обманчивый миражъ...
Съ народа-жъ за нее сорвали
Кровавый Шейлока куртажъ!..

Кто тормозитъ—судить мнѣ рано,
Лбомъ не пробить гранитъ скалы!
Но повелителю Ирана
Лишь поперечь кто—«тѣнь Аллы»
Всѣхъ,—будь то визири Дивана,—***)
Сѣсть пригласилъ бы на колы!..

Фебуфисъ.

*) Эпитетъ заимствованъ изъ стих. покойнаго сенатора Барыкова, бывшаго не только дѣйств. тайн. совѣтникомъ, но и дѣйств. тайнымъ юмористомъ.

**) Герои знаменитой Иранской эпопеи—«Шахъ-Наме».

***) Диванъ—высшее государств. учрежденіе, въ-родѣ Государственнаго Совѣта.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Агентства „Дмитро Гудзь“.

ОДЕССА. Выяснилась дѣйствительная причина конфискаціи юмористическихъ изданій ген. Карангозовымъ. Оказывается, что это распоряженіе вызвано опасеніемъ конкуренціи сатирическихъ журналовъ съ его циркулярами, имѣющими несомнѣнную цѣль развлекать гражданъ административнымъ юморомъ.

ХАРЬКОВЪ. Жандармское управленіе и не думало объявлять забастовку, такъ какъ послѣдняя, какъ увѣряютъ, не входитъ въ тактическую часть программы Управленія.

ГОМЕЛЬ. Задержанъ преступный агитаторъ, утверждавшій на Базарной площади, что манифестъ 17 октября относится и къ евреямъ.

КИЕВЪ. Дума постановила учредить конкурсъ на соисканіе преміи за высшую догадливость. Тема: догадаться, куда дѣвались городскія деньги, если гор. голова Проценко недавно пріѣхалъ изъ-за границы.

БАКУ. Персы толпами уѣзжаютъ на родину, заявляя, что теперь у нихъ тоже объявленъ манифестъ, и слѣдовательно дома «работа» тоже найдется. Въ виду массоваго отъѣзда ихъ, замѣчается удрученное состояніе партіи истинно-русскихъ людей, лишающейся наиболѣе активныхъ членовъ.

МОСКВА. Князь Евг. Трубецкой третьяго дня сообщилъ по секрету въ домъ кн. Галицына о своемъ предположеніи, что въ Россіи объявлена конституція. Какъ передаютъ, вѣсть эта была встрѣчена съ негодованіемъ. Въ виду опасенія со стороны гостей за свои уцѣлѣвшіе дома, Кн. Трубецкой еще не арестованъ.

СИМФЕРОПОЛЬ. Подъ временную тюрьму приспособлена го-стинница и городское училище.

ГОЛУТВИНО. Установлена ошибка полковника Римана, разстрѣливавшаго Сапожкова Николая, вмѣсто обозначеннаго въ спискѣ Сапожкова Никона. «Главное управленіе по разстрѣлу жителей» предписало полковнику Риману, во избѣжаніе подобныхъ неточностей, вооружаться на будущее время помимо всего прочаго, очками. Полк. Риманъ въ свое оправданіе сообщилъ, что, по его наблюденіямъ, надъ трупомъ Николая Сапожкова можно установить несомнѣнно революціонный образъ мыслей убитаго, такъ какъ кровь его имѣетъ ярко-красный оттѣнокъ.

Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда смута российская пошла быти и кто первѣе почла на Руси мутиться. *)

Гл. I.

Ратоборству на Востоцѣ исходящу, се смута велія отъ Запада прииде, и востаху людие мнози, крамольники нарицаеми, учаще народъ хулити и мутитися. Услышавъ же, единъ мужъ, имя же ему бѣ Сергій, рече: «Дѣло скверное! Чесо ради племя смятется?» И учинивъ бесѣдословіе со мытари и фарисеи, повелѣ вразумити оно племя огнемъ и мечемъ. И позва мастеровъ дѣлъ еврейскихъ повелѣ учредить оныя и даде на подмогу людие, чернїи сотни нарицаеми. И бѣ ту плачь и скрежетъ зубовный.

Гл. II.

Смутѣ же пакы взрождшися, пакы вопи народъ многая словеса дерзновенная и хулу рече мытаревъ фарисовы и ону мужу. И подъяхуса раби, трудъ оставивше, и вопяху нѣко слово запретно «неработіе», а по ихнему «забастовіе». И устрашишися и мытари и фарисеи, и онъ мужъ, и бѣ тутъ плачь и скрежетъ зубовный.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За лѣтописца Дмитро Гудзь.

*) Печатаемая «Повѣсть временныхъ лѣтъ» является трудомъ одного высокопоставленнаго лица, автора многихъ богословскихъ трудовъ и въ дальнѣйшемъ освѣтитъ происходившія событія съ богословской точки зрѣнія. Авторъ до сихъ поръ упорно не желаетъ обнаружить своего имени, и нашъ сотрудникъ Дмитро Гудзь вынужденъ подписываться вмѣсто него.

Первый блинъ, да и комомъ!

Отъ редакціи.

Нумера „Занозы“ въ оптовой продажѣ высылаются наложеннымъ платежемъ лишь по полученіи задаточной суммы въ размѣрѣ половинной стоимости заказа.

Пробный № высылается за двѣ 7-ми копѣеч. марки.

Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются. Редакторъ принимаетъ ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней, отъ 2 до 4 ч. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

еженедѣльный журналъ

художественной сатиры

Цѣна отдѣльнаго № — 10 коп. безъ пересылки.

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи Р. Л. Антропова.

Подписная цѣна: годъ—4 руб., 1/2 г.—2 р.; съ пересылкой во всѣ города Россіи—годъ—5 р., 1/2 г.—3 руб.

Подписка принимается въ редакціи: СПб. Итальянская, 27 и во многихъ городахъ Россійской Имперіи.

„ЗАНОЗА“.

Редакторъ Р. Л. Антроповъ.

Издатель С. Д. Новиковъ.